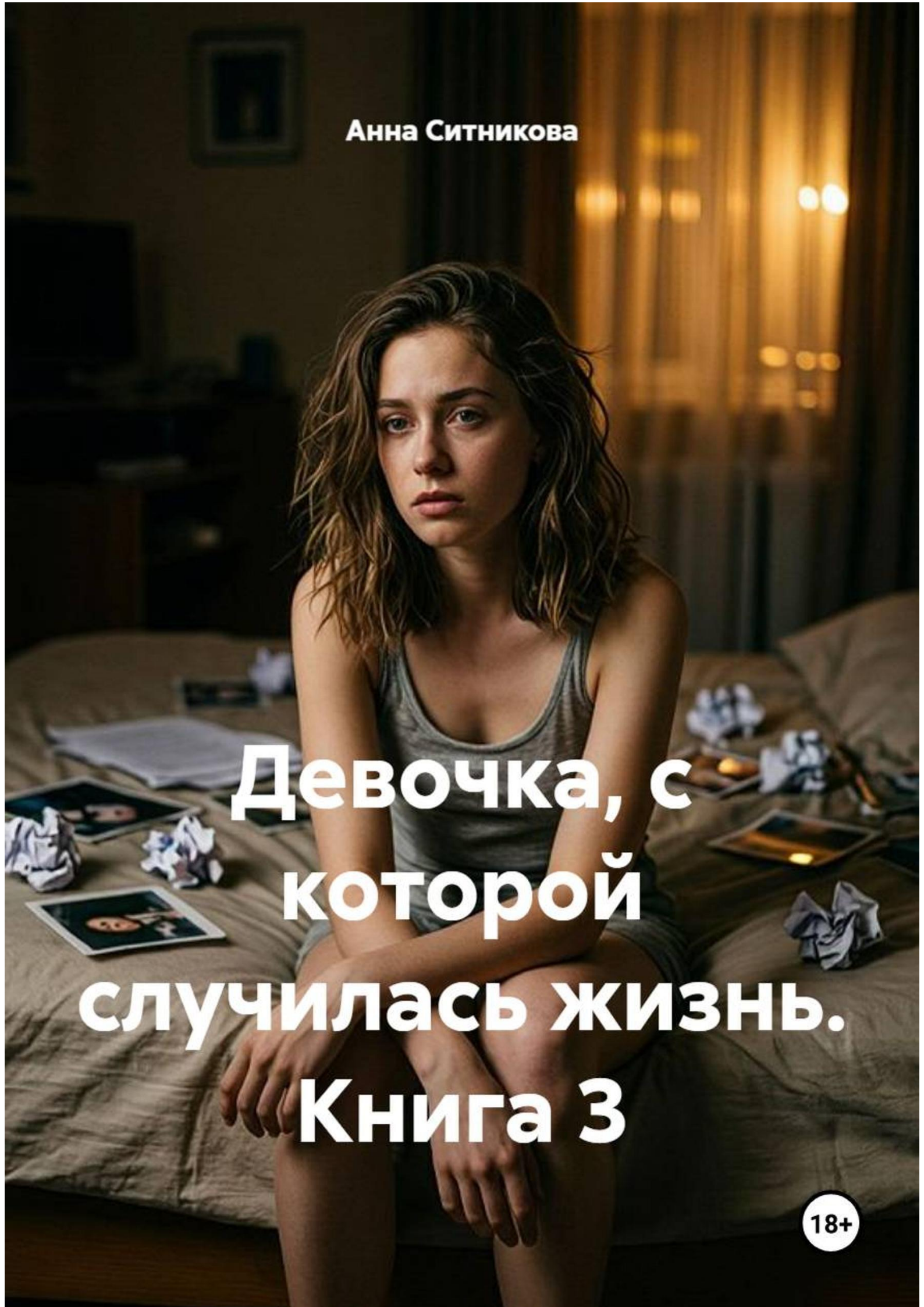

Анна Ситникова

**Девочка, с
которой
случилась жизнь.
Книга 3**

18+

Анна Ситникова

**Девочка, с которой
случилась жизнь. Книга 3**

«Автор»

2026

Ситникова А.

Девочка, с которой случилась жизнь. Книга 3 / А. Ситникова —
«Автор», 2026

Завершающая книга трилогии. Энн потеряла смысл жизни однажды ночью, услышав всего два слова: "Саймон умер". После она искренне пыталась справиться, но проиграла своему же сердцу. В финале истории про девочку, с которой случилась жизнь читателя ждет описание того, как один сломленный человек научится бороться с собой, с трудностями, с горем, с воспоминаниями и снова поверит в жизнь. Жизнь, которая без устали умеет подкидывать все новые и новые препятствия, новые впечатления, и новых людей. Все будет не просто, но в итоге, от жизни же нельзя убежать. Она все равно случится...ТЕКСТ В ПРОЦЕССЕ НАПИСАНИЯ И РЕДАКТИРОВАНИЯ!

© Ситникова А., 2026

© Автор, 2026

Анна Ситникова
Девочка, с которой
случилась жизнь. Книга 3

Глава 1

А время — оно не лечит. Оно не заштопывает раны, оно просто закрывает их сверху марлевой повязкой новых впечатлений, новых ощущений, жизненного опыта.

И иногда, зацепившись за что-то, эта повязка слетает, и свежий воздух попадает в рану, даря ей новую боль... и новую жизнь...

Время — плохой доктор. Заставляет забыть о боли старых ран, нанося все новые и новые... Так и ползем по жизни, как ее израненные солдаты...

И с каждым годом на душе все растет и растет количество плохо наложенных повязок...

Эрих Мария Ремарк

Кем для меня была ты? Наважденьем?

Идеей жизни? Смыслом? Божеством?

Гораздо глубже все, поверь мне, —

Была ты жизни всей моей венцом.

Согрела сердце мне своим явленьем,

Распяла все мои грехи.

Заставила поверить в искупление,

Хоть мысли мои были далеки.

Всю черноту, печаль и злобу,

Таящуюся у меня внутри,

Ты победила очень просто —

Своей улыбкой, вдохновением своим.

Все чувства ты мои усилила стократно.

Любовь? Теперь она огонь.

Огонь, гореть в котором так приятно,

Что распрощаться с жизнью за нее готов.

Сгореть хочу на переломе лет.

Твоей звездой стать на небосклоне.

Что б больше ты не знала бед,

Была б довольна новою судьбою.

Пусть тот румянец на щеках,

Что душу так мою тревожил,

Не истощится никогда.

Что сердцу моему еще дороже?

Пусть та улыбка и тот взгляд,

Которыми меня ты одарила,

Подарят чувство бытия другому,
Кто сердцу твоему вновь станет милым.
Пускай твои прикосновения,
Твой голос, нежность, доброта,
Забудут ужасы забвения.
Ведь умер я, а ты жива.
И миру этому даренье.
Живи, и будь любимой снова.
Свети как солнца луч и впредь.
Могила – вот теперь моя основа,
Твоя же – вновь земной очаг разжечь.
Не думай, что на век мы расстаемся,
Тебя я жду на берегу другом.
Молюсь и верю, что сольемся
В небесном танце, в образе ином.

Пусть этот сладкий бред,

Путь в темноте мне освещает.

Затем лишь, чтобы знать,

Что сердце смерть не разделяет,

Что душу смерть не убивает.

Без названия, Анна Ситникова

От автора

Перед вами последняя книга, которая расскажет моим самым преданным читателям о том, как закончится история девочки, которая на протяжении двух книг выросла и бесила всех. А кого-то, я надеюсь, располагала к себе. Кто-то полюбил Энн, а кто-то раздражался из-за ее глупости, нелепых принципов, заикливости и упрямства. Кто-то полюбил Саймона, а кто-то раздражался из-за его глупости, нелепых принципов, заикливости и упрямства.

Мне хочется сказать главное – я уверена, что никто не заслуживает таких испытаний, что выпали на долю моих ребят. Во многом не столько болезнь подкосила их силу, сколько то, что они были так нелепо сильно, так безумно влюблены друг в друга. Не думаю, что такая любовь случается у каждого, но иногда «выстреливает» и терять такие чувства – это что-то за гранью обычной человеческой возможности преодолевать трудности.

Конечно же, история Энн не закончится на последней странице этой книги, как не заканчивается человеческая жизнь ни после свадьбы, ни после рождения ребенка, ни после других знаковых событий- маячков в жизни. Жизнь стремится вперед до самого своего конца.

Я думаю, что Энн заслужила спокойствия. После всего...

Для тех, кто не очень силен в запоминании фактов, напомню – я росла вместе с Энн и видела все ее лучшие и худшие стороны. И я как никто хочу для нее счастья. Я хотела его и для Саймона. И для них обоих вместе. Но иногда... жизнь просто случается, и тебе приходится играть по ее правилам.

Если эта книга покажется вам скучной... ваше право. Но больше никаких волков, стрельбы, горящих машин и желания бить стены кулаком. Спокойствие и принятие – два главных слова, которые пройдут сквозь повествование всей этой книги. Спокойствие будет находить для себя не только Энни (интересно, могу я позволить себе называть ее так, хотя это была личная прерогатива Саймона?), но и другие герои, которые встретятся вам на этих страницах. Кого-то вы уже знаете и любите, а с кем-то познакомитесь впервые.

Эта книга отличается от первых двух. Она, как минимум, самая короткая. Потому что жизнь начинается там, за ее страницами. И я хочу, чтобы настоящая жизнь обязательно случилась и с вами.

Ваш непризнанный автор,
который обрел преданных фанатов,
раз уж вы это читаете.

Пролог

Жизнь. Активная форма существования материи от рождения до смерти. Просто совокупность физических и химических процессов. Но человечество научилось на все смотреть гораздо шире. Появились культура, искусство, философия. И все: больше жизни не суждено было оставаться простым процессом существования белковых тел. Теперь жизнь стала чем-то за гранью простой биологии. У нее появился смысл.

Это даже забавно. Ты живешь. Тебе хочется наполнить жизнь какой-то особой глубиной. Ведь ты же человек. А человек – это же не просто так. Тебе хочется, чтобы каждый твой поступок был не бессмысленным, а очень значимым. Обязательно вел бы к чему-то, был судьбоносным, раскрывал твой характер, что-то кому-то доказывал. Хочется, чтобы, если вдруг кто-то спросит, у тебя всегда была бы возможность сказать: «я живу не просто так, посмотрите, как глубока и значима вся моя жизнь». Но у многих ли так получается? Если ты обычный человек, если ты не спасаешь детей в Африке, не бороздишь космические просторы, не изобретаешь лекарство от диабета, то на деле выходит, что жизнь – это просто жизнь. И нет никакой глубины и скрытого смысла в каждом твоём поступке, как бы тебе не хотелось обратного. Ты просто живешь, дышишь и представляешь, что для вселенной ты не пустое место. Может, так оно и есть. А может, нет. Просто жизнь, которая случается с каждым.

И вот среди всего этого времени, что тебе отпущено, ты стараешься найти свое место. Возможно, найти свое место – это один из основных смыслов всего человеческого существования. Вообще многому виной этот самый злополучный смысл.

К сожалению, мало кто объясняет, что как только ты осознаешь свое мнимое величие высшей формы жизни, вместе с этим появляется еще и жуткое умение чувствовать как человек. Не только разум, но и чувства – для кого-то это святое, а для кого-то настоящий ад. А с адом бороться трудно. Невозможно.

Я помню город. Бетонный, железный, зеленый, стеклянный, серый, яркий, грязный, цветущий и пахнущий весной, прекрасный, чудесный, разнообразный. Город, дарящий воспоминания и способный разбередить душу. Большой и сильный, с жизнью, кипящей на улицах, и никогда не останавливающейся. Он мог быть таким разным для меня. Иногда я видела его как сбор грандиозных зданий, стремящихся в небо, красивых улиц и пестрых людей, полных жизни и ритма. А иногда, гораздо реже, как обитель темных закоулков, в которых творятся темные дела. В любом случае, он всегда оставлял неизгладимое впечатление и провоцировал на сильные эмоции. Каждый раз.

За время, проведенное с Саймоном в наших прогулках, и за недолгое время, что мы там жили, я влюбилась в Нью-Йорк. Не могла иначе. Ведь именно там мне удалось почувствовать себя взрослой и самостоятельной. И пусть на самом деле городская жизнь по-настоящему меня никогда так сильно не тянула, я безумно скучала. Во мне всегда боролись два противоречивых чувства. Саймон знал об этом. Он говорил, что готов прожить всю жизнь со мной вне зависимости от того, какой путь мы выберем: или это будет спокойная семейная жизнь с хорошим

домом, собакой, детьми и белым заборчиком, или же это будет жизнь полная приключений, путешествий автостопом, кемпингов с палатками, диких медведей и адреналина.

Я частенько пыталась разобраться в себе и понять: Нью-Йорк тянул меня из-за Саймона или из-за меня самой? Ведь для меня город и Саймон были неразделимы: все моменты – от самых незначительных до самых потрясающих – в городе у меня были связаны с Саймоном. Закрываю глаза и вижу его улыбку. Как он хватается меня за руку, бежит по пешеходной зебре в толпе прохожих. Я смеюсь и несусь за ним. Волосы Саймона слегка треплет ветер, бросает их на глаза. Глаза, которые блестят. Он счастлив. Я счастлива. Вижу проносящиеся городские пейзажи из окна машины. Вижу Лебединый мост в Центральном парке и наш почти поцелуй. Вижу, как горят глаза Саймона, когда он показывает мне улицы и какие-нибудь знаковые места. Ведь для него этот город тоже не просто слово, а нечто большее – целая жизнь. Или его глаза горят, потому что он смотрит на меня? Я просто счастлива и не думаю, что что-то может закончиться. Не думаю, что наше счастье, что сам этот момент уйдет в небытие. Это больше чем скучание. Это тоска. Неподъемная, прожигающая дыры у меня в душе.

Чувствую его руки, обвивающие меня сзади, погружающие в его существо целиком. Вижу его глаза, с тем самым задумчивым взглядом, направленным куда-то далеко. Вижу закат, превращающий здания в силуэты, а лицо Саймона в прекрасную картину.

Все это было. Точно было. Оно мне не приснилось. Я точно это не придумала.

Иногда мне хочется, чтобы этого не было. Чтобы не было так больно терять эти воспоминания. Чтобы все это было просто выдумкой, ненастоящим. Иногда мне хочется снова проснуться в нашей с Сэмми старой комнате. Мне снова пятнадцать. Я стараюсь не страдать так сильно из-за того, что у всех знакомых девчонок вокруг уже есть парни, а у меня нет. Я стараюсь сосредоточиться на воспитании своей младшей сестренки и иногда на учебе. С сестренкой я чувствую себя самой собой. С ней мне не нужно притворяться и бороться с собственными комплексами. Да, это время тоже было для меня непростым, но сейчас... я бы отдала многое, чтобы вернуться туда. Чтобы Нью-Йорк и Саймон никогда не случились в моей жизни. Потому что такая боль – это невыносимо.

1. ВСЕ НАЧАЛОСЬ С ПЛАЧА.

1

Плач ребенка.

Он часто мне снился. Среди ледяной темноты, в которой я бродила, ища один единственный источник света, я часто слышала этот плач. Мне казалось, что я могу нащупать его в своих холодных снах. Но каждый раз, когда я, казалось, подбиралась близко к этому плачу, к его источнику, он обрывался. Тогда я снова бродила в промозглой темноте без какой-либо надежды. Наверное, это был голос малыша, которого мне так и не удалось увидеть.

Миллион лет скитаний по темноте заставили меня забыть все, что я любила. Я забыла даже самое главное имя, которое всегда было мне поддержкой. С тех пор как я без устали, миллионы лет, выкрикивала его в темноту, не получая ответа, силы иссякли. Я больше не могла вспоминать его. Это было невероятно больно, и я сдалась. Имя ушло вместе с его хозяином. И не было никакой надежды, что оно вернется. Но плач появлялся время от времени, не исчезая насовсем.

Этот плач сделал то, что казалось невозможным – он возродил во мне воспоминания. Мне было приятно и одновременно больно окунуться в них. Но они были такими яркими и теплыми по сравнению с тьмой, окружавшей меня столько времени, что я неосознанно тянулась к ним. В них. Внутрь воспоминаний. В этих воспоминаниях была маленькая светлая комната с панорамными окнами, яркое солнце, пробивающееся через жалюзи, моя рука на моем животе и мысли об идеальной жизни. Мысли о новой жизни, которая могла быть продолжением меня. И Его. Теплые воспоминания, к которым я тянулась. Теплые воспоминания, которые порождал в моей душе плач, который я иногда слышала.

Плач становился все громче и настойчивее. Я шла на него в темноте, уверенная, что в этот раз он не оборвется. Мне нужно было, чтобы он не оборвался. Мне хотелось расширить свое единственное воспоминание: раздвинуть границы светлой комнаты, выглянуть из окна, вспомнить, что было за чертой.

Тяжело было сосредоточиться хоть на чем-то, но я все же вспомнила, как это делается. Почувствовала свое тело – незнакомое и странное; почувствовала руки, сжимающие что-то мягкое, почувствовала глаза. Они были закрыты. Услышала не только детский плач – он действительно был где-то рядом, а, кажется, даже сумела услышать пространство рядом. Сумела понять, что это все по-настоящему. Я почувствовала реальность. Это был не сон. Это было странно незнакомо. Пугающе, но приятно.

Медленно открыв глаза, я попыталась сообразить, где нахожусь. Картинка медленно складывалась в моей голове из кусочков, как пазл: светло, фиолетовые стены, прямо на меня смотрят сотни книг со стеллажа, сбоку кресло, на нем какая-то одежда. Я опознала свою комнату. Это моя комната в большом доме на Вудсток драйв. Сколько времени я не отражала это? Странное ощущение нереальности захватило мое сознание. Я вспомнила маму. Ее доброе лицо, склонившееся надо мной, и слезы на нем. Кажется, вчера мама заходила ко мне и что-то говорила. Не помню, о чем шла речь. А может, это было позавчера. Сколько дней я провалялась в кровати? Пошевелив руками, затем ногами, я поняла, что немало: мышцы затекли и были какими-то ватными.

Плач не прекращался.

Я дома.

Ты дома... В мамином доме.

Господи, ребенок все еще плачет. Это и правда не сон? Больше не сон? Что ребенок делает в нашем доме? И почему, если мне это не кажется, к нему никто не подойдет?

Руки и ноги, которыми я шевелила с трудом... Я будто забыла об их существовании в последнее время. Но сегодня я четко осознала, что именно благодаря им поднялась с постели. Впервые что-то осознала. Страшная слабость потянула меня обратно вниз, но ребенок так и не перестал плакать, поэтому я, оперевшись о тумбочку, сделала несколько неуверенных шагов по направлению к звуку. Как странно – двигаться... И как странно отражать в голове то, что ты двигаешься, осознавать это. Осознавать хоть что-то.

Плач становился громче, я ускорила шаг, с трудом понимая, как мне это удалось. Ведь слабость по-страшному тянула меня вниз, к полу, к лежащему состоянию.

Да где же этот ребенок? Почему он так надрыдается, а к нему никто не подходит?

– Кто...

Я хотела позвать кого-нибудь, чтобы они подошли к малышу и что-нибудь сделали, но закашлялась. Голос хрипел, так что выдавать звуки было больно. Как давно я молчала?

Не вспоминай...

Шаг за шагом, держась за все, что попадалось под руку, я преодолела коридор и свернула в мамину комнату из которой, как казалось, и доносился плач. В маминой комнате стояла детская кроватка. Она выглядела здесь чужой и непривычной. Я на всякий случай еще раз огляделась вокруг: да, это действительно комната моей мамы. Такая, какой я ее помню. Только что вспомнила. Я подошла к кроватке и оперлась на ее перила. *Я так устала только от того, что прошла несколько метров?*

В кроватке, комкая простынку маленькими ручками, лежал ребенок. Это была девочка. Определенно девочка. Светлые волосики, еще совсем коротенькие, растрепались и торчали в разные стороны. Она надрывалась в крике, а из ее маленьких глаз текли струйки слез. Из ее маленьких, зеленоватых глаз...

Комната закружилась, ноги готовы были согнуться, но я с силой вцепилась в перила трясущимися руками. Господи, эта девочка так похожа на одного человека... *Нет, мне это снится. Этого просто не может быть.* Я тупо смотрела на ее страдания, пока осознала, что заменила Его имя в своей голове на словосочетание «одного человека».

Нет, не думай.

Да есть тут кто-нибудь?

Сквозь слезы я оглядела комнату еще раз, но она была пуста.

Это просто сон. Наконец мои темные сны сменились чем-то более осмысленным. Мой разум, который, как оказалось, все еще жив после... придумал новую реальность. И эта реальность в моем сне. Иначе просто не может быть. Потому что малышка в кроватке так нереально похожа на Него.

Возможно, это последнее, что окончательно уничтожит меня...

– Тише, – прохрипела я.

Рискуя упасть, я все же освободила одну руку от роли опоры и протянула ее к ребенку. Пальцы тряслись, как будто через меня пропускали ток. Я прикоснулась к малышке, начала ее гладить. Теплое мягкое тельце под моими пальцами извивалось. И было таким реальным на ощупь...

– Тише... Тише, не плачь.

Смотреть на ее детскую красоту и схожесть с «одним человеком» было невероятно. Снова эта боль. Снова она проснулась у меня в голове, в душе и во всем моем существе. От осознания того, что у меня могла бы быть счастливая жизнь вот с таким малышом и любящим мужем, в голове что-то взорвалось. Голова, грудь – все резко сдавило, и я упала на колени. Я лежала на полу и рыдала не тише ребенка в кроватке.

Господи, я умру от этого ужаса...

Пусть умру, только скорее...

Это же просто сон!

Действительно сон. Откуда взяться ребенку в комнате мамы? Да еще ребенку настолько похожему на Него?

Пытаясь за что-нибудь ухватиться и перенести часть боли на какой-нибудь предмет, я царапала ковер ногтями.

Просто перестань думать о Нем! Просто дыши. Не вспоминай!

– Ну почему же никто не подойдет? – закричала я в пустоту и чуть не оглохла от своего хриплого голоса.

Мне не ответили. Никто не появился. Собрав всю волю в кулак, я поднялась с пола, опираясь на кровать. Девочка так и кричала, ее личико покраснело от плача. Не было никаких сил смотреть на то, как мучается такая кроха.

– Не тряситесь, – приказала я собственным рукам и потянулась к ребенку.

Девочка только выглядела маленькой. Когда же я с трудом, но все же взяла ее на руки, она оказалась ужасно тяжелой. Хотя, может быть, дело вовсе не в ребенке, а в моей странной слабости?

– Ну тише, тише. Все хорошо. Все хорошо.

Как абсурдно это выражение. Никогда уже ничего не будет хорошо.

Но ребенку из сна не обязательно это знать.

Однажды мне уже снился такой же реальный сон, в котором все ощущения были как настоящие. Я стояла на балконе вместе с Ним и...

Не вспоминай, ну пожалуйста...

Я прижала голову малышки к своему плечу и стала ковылять по комнате из стороны в сторону. Теперь она кричала прямо мне в ухо. Это было жутко громко и болезненно. Особенно на фоне того, что я как будто пыталась заново научиться ходить, – так тяжело передвигались ноги.

Как ни странно, после нескольких минут хождений по комнате ребенок начал утихать.

– Ты, может быть, есть хочешь?

Я оглядела комнату в поисках того, чем бы можно было ее покормить. На мое счастье недалеко от кровати стояла детская бутылочка с чем-то белым внутри. Я взяла ее и села в мамино кресло. Малышка внимательно оглядела меня. Стараясь не смотреть на нее, особенно в ее глаза, я наклонила бутылочку.

– Кушай. – Говорить все еще трудно. Жить в этом сне – еще труднее.

Девочка протянула свои ручки к бутылочке. Она жадно пила, а я смотрела в сторону и старалась уgomонить слезы.

От ребенка у меня на руках шло такое приятное тепло. Я давно не ощущала ничего такого же приятного. Это тепло было в миллиард раз теплее того из воспоминания о комнате и моей руке на животе. И этот запах. Такой особенный, детский запах... Так было с Сэмми, когда она была такой же крошкой.

Когда я все же посмотрела на личико малышки, то поняла, что она по-прежнему рассматривает меня. Пьет молоко и, не отрываясь, смотрит на меня. Ее зеленые глаза блестели от слезок так похоже на...

– Боже, мне все это только снится...

Я и не заметила, как бутылочка опустела. Девочка оттолкнула ее ручкой.

– Хорошо, я ее уберу. – Я поставила бутылку на стол.

Малышка все так же внимательно на меня смотрела. Мне стало не по себе, но я не могла оторвать от нее взгляд. Она лежала на моей руке и коленях, теребила свои пальчики и буравила меня взглядом. А потом взяла и улыбнулась. Так мило и просто расплылась в улыбке. Мурашки побежали по всему телу. Мне хотелось кричать, плакать, рвать на себе волосы – так она была похожа... Вместо этого я просто застыла, а потом тоже улыбнулась ей... Мышцы на лице одеревенели и двигались с трудом, но я все же улыбнулась этому ангелочку.

– Ну слава Богу! – раздалось из дверного проема так громко, что мы с малышкой обе вздрогнули.

Мозг отказывался работать, но я все же поняла, что в комнату вошли мама и какая-то незнакомая мне женщина. Мама почему-то плакала. Она улыбалась, смотрела на меня и плакала, вытирая лицо рукой.

– Скарлет, я же говорила, что все получится. – Неизвестная женщина тоже улыбалась, не переставая смотреть на меня.

– Родная, я так рада, что ты пришла в себя! – сказала мама. Она подошла ко мне и забрала у меня девочку. Та непонимающе уставилась на нее своими большими зелеными шарешками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.